

Ю. А. КЛИПАТСКАЯ

ВЛИЯНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА КОММУНИКАТИВНОЕ ЯДРО РУССКОГО ЛЕКСИКОНА

Общеизвестно, что на земном шаре насчитывается около 5000 языков [7, с. 330]. Носителями этих языков являются представители разных культур и народностей. Все они имеют свои особенности и свою специфику, что является, как указывает А. А. Потебня, неотъемлемой составляющей существования человечества: «Если бы объединение человечества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы губительно для общечеловеческой мысли, как замена многих чувств одним, хотя бы это одно было не осязанием, а зрением. Для существования человека нужны другие люди; для народности – другие народности» [8, с. 229].

Развитие любой культуры как совокупности материальных и духовных ценностей обусловлено не только её имманентной способностью к саморазвитию, но и внешним воздействием других культур. При этом и внутренняя, и внешняя тенденции реализуются в непрерывном напряжённом взаимовлиянии. Внутренний вектор развития обеспечивает культуре преемственность традиций, некое постоянство, стержневую сущность, другими словами, – сохраняет ядро культурной системы. Внешние же пересечения с другими культурами носят разный по активности и масштабу характер, но всегда приводят к определённым изменениям и осуществляются через разные формы. Так, «внешняя» культура, вторгаясь во «внутреннюю», по мнению Л. М. Лотмана, должна подвергнуться процессу переименования на языке «внутренней» культуры, чтобы «найти себе имя и место в языке той культуры, в которую врывается извне» [6, с. 117]. В результате этого процесса происходит принятие, частичное или полное, «чужих» элементов – заимствований.

Языковые контакты, в результате которых происходит заимствование, всегда интересовали ученых и на современном этапе развития науки в разных аспектах являются объектом исследования многих лингвистов (см. работы М. А. Брейтера, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, Э. Ф. Володарской, Е. И. Гусевой, С. С. Изюмской, Р. Н. Попова, Е. В. Сергеевой, А. К. Казкеновой, Е. В. Какориной, И. В. Карасика, А. В. Зеленина, Т. С. Пристайко, И. С. Улуханова и др.).

Заимствование – это неотъемлемый процесс в языковой системе, наблюдаемый при языковых контактах, и, следовательно, закономерна активизация этого процесса в современном русскоязычном обществе, где политическая, идеологическая открытость привели к открытости русского языка для внешних воздействий.

Наиболее интенсивно изменения в языке происходят на лексическом уровне. Именно эта область языка наиболее чутко отражает внешние влияния на социальную, политическую и культурную жизнь общества, и, как замечает М. А. Брейтер, «именно лексика является наиболее подвижной подсистемой, непосредственно реагирующей на изменения языкового окружения» [1]. Кроме того, по Ю. М. Лотману, вторжение в сферу культуры извне совершается через наименование, и внешние события не влияют на человека до тех пор, пока не делаются сами «человеческими», то есть не получают семиотической осмысленности [6, с. 118].

Заимствование лексических единиц – процесс постоянный для системы любого языка, и русский язык не является в этом смысле исключением. Однако в последние десятилетия характер и интенсивность заимствований в лексической системе русского языка меняется,

приобретая яркие, выразительные черты вследствие разных социальных причин и кардинальных изменений в обществе в результате распада СССР.

Цель настоящей статьи заключается в определении влияния иноязычных заимствований на коммуникативное ядро современного русского лексикона, а также в выявлении удельного веса англицизмов в современном русском литературном языке конца XX – начала XXI ст.

Принятию значительного количества новых заимствований и широкому употреблению ранее существовавших в качестве специальной иноязычной лексики заимствований способствовали, как отмечает Л. П. Крысин, такие политические, экономические и культурные условия, как осознание разными слоями населения своей страны как части цивилизованного мира; преобладание в идеологии и официальной пропаганде интерактивных, объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным образцам; переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки и пр. [5, с. 36]. Все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х – начала 90-х годов XX в., послужили важным стимулом, облегчившим активизацию иноязычной лексики.

Появление столь значительного количества заимствований во всех сферах функционирования русского языка является характерным фактором изменившегося доминирующего в общественной практике типа общения, определяемого И. А. Стерниным коммуникативной парадигмой, с монологического (один говорит, а все слушают и выполняют) на диалогический (внутреннее принятие друг друга как ценностей самих по себе и ориентация на индивидуальную неповторимость каждого из субъектов). Изменение коммуникативной парадигмы повлекло за собой и изменение коммуникативного ядра лексикона у русскоязычного населения. Под коммуникативным ядром лексикона понимается «совокупность наиболее частотных и коммуникативно значимых лексических и фразеологических единиц, употребительных во всех коммуникативных сферах (и в первую очередь, в бытовом общении и публицистике), денотативно значимых для говорящего коллектива и отражающих актуальную действительность» [12, с. 14].

С точки зрения изменений, произошедших в коммуникативном ядре русского лексикона относительно заимствований, можем говорить о том, что увеличилась проницаемость лексической системы русского языка для иноязычных элементов. В определённых тематических сферах, к которым относится политика, рыночная экономика, шоу-бизнес и некоторое др. произошла активизация заимствованной лексики. В пассивный запас слов русскоязычного населения ушла лексика перестройки и лексика, связанная с тоталитарным общественно-политическим устройством страны. Таким образом, изменения в коммуникативном ядре русского лексикона вызваны экстралингвистическими причинами, так как связаны с коренными изменениями в жизни русскоязычного общества.

Существующие в русской лексике иноязычные лексемы пришли в неё в разное время из разных языков: как славянских, так и неславянских, например: украинского (*бориц, бублик, гайдамак, галушка, гопак, горилка, карбованец, латынь, левада, полонина, помаранчевый, цуцик*), польского (*аккуратный, гарцевать, гвалт, гениальный, география, гонор, губернатор, музыка, танец, характеристика, цифра, цукат, шалфей, шарф, школа, штука, шуровать, ярмарка*), французского (*бутик, карантин, концепт, креатура, кредит, кровать, лояльный, легализация, легитимный, манкировать, модерн, муссировать, портативный,*

режиссёр, седативный, сексуальный, солидный, татуаж, третировать, харизма, шеф, шикарный, экспансивный, экстраординарный), немецкого (*аспирант, дебатировать, депозит, зельц, инвестиция, когнитивный, копировать, корпоративный, маргинальный, мюсли, оригинальный, оппозиция, фирма, итрейкбрехер*), итальянского (*биеннале, валюта, папарацци, пицца, сценарий*), латинского (*консенсус, пассионарный, сателлит, терминальный, цивилиный*), греческого (*плеяда, сахар, сфера, типология, хаос*), грузинского (*мацони, сулугуни, тамада, харчо, хачапури, хинкали*), арабского (*халва, харчи*), тюркских (*жемчуг, каракуль, карандаш, лаваш, лапша, майдан, сарай, саранча, сафьян, чай, шашлык*), японского (*аниме, икебана, караоке, оригами, тамагочи, сакура, суши*) и др. языков. Одни из них дали лишь отдельные элементы лексической системе русского языка, а другие привнесли в него намного большее, активно повлияв на поведение людей и пути истории.

Важно отметить, что среди ряда других языков заимствования из английского языка в русской лексике последних десятилетий отличаются наибольшей численностью, что является характерным для современного состояния русского языка. Это такие лексемы, как: *армрестлинг, бизнес, бренд, брокер, брифинг, гламурный, гуттаперчевый, дайджест, дефростер, джакузи, джинсы, джип, джойстик, дистрибьютор, инсайдер, Интернет, картинг, картридж, кастинг, кемпинг, киднеппинг, клипмейкер, крекер, консалтинг, курсор, лизинг, маркер, маркетинг, менеджер, модем, мониторинг, мультиплекс, мюзикл, ноутбук, офис, офсайд, офшор, паблисити, памперсы, паркинг, пиар, поп-арт, попкорн, прайс-лист, принтер, промоушн, рейвер, ремейк, риелтор, рингтон, сайдинг, саммит, саундтрек, свингер, сервер, скотч, спич, спичрайтер, спонсор, супервайзер, супермаркет, сэндвич, тандем, тендер, тинейнджер, титестер, тоник, триллер, тюнер, уик-энд, фаст-фуд, фешенебельный, фитнес, франчайзинг, фьюжн, хакер, хеппенинг, хеппи-энд, хет-трик, хит-парад, холдинг, хостис, чайнворд, чизбургер, чипсы, шейк, шейпинг, шопинг, шоу, шоумен, эксклюзивный* и мн. др. Из сравнительного анализа словарей иностранных слов XX века, проведённого Э. Ф. Володарской, следует, что уровень заимствования англицизмов за последнее столетие вырос в 5–8 раз, и в словаре иностранных слов Н. Г. Комлева, изданного в 2000 году, их процентное содержание составляет 25 % всего количества заимствованных единиц [3, с. 102–104].

Такое значительное влияние английского языка объясняется тем, что он признан официальным в 44 странах мира и имеет статус средства международного общения. «Это рабочий язык большинства международных организаций, научно-технической информации и компьютерного пространства. Роль английского языка как *global language* предопределяет тот факт, что он является языком общения в ведущих экономических державах мира. Поэтому в последние десятилетия англо-американская этнолингвокультура выступает в роли лингвокультурного донора для других этнолингвокультур-акцепторов, ощущающих на себе последствия подобной экспансии» [10, с. 289]. Действительно, в сложившейся в мире социальной и языковой ситуации на рубеже XX–XXI вв. английский язык приобрёл статус первой скрипки, а процесс заимствования из английского языка стал «мейнстримом – основным потоком, магистральным течением» [4, с. 54].

Суммируя особенности современного этапа развития русского языка с точки зрения заимствований из английского языка, Э. Ф. Володарская приходит к следующим выводам: происходит активизация использования более ранних заимствований; наблюдается интерпретация старых заимствований в направлении нейтрализации их отрицательной коннотации; происходит семантическое освоение экзотизмов с целью их большей интеграции; осуществляется переориентация заимствований моносемантического плана терминологического корпуса в полисемантические слова стандартного языка; приобретает

особое значение заимствование английских слов по причине их большей экономности и рациональности по сравнению с русскими описательными синонимами; выходят на первое место по количественному составу семантические группы, включающие компьютерную лексику, связанную с бизнесом, экономикой и менеджментом; активизируется процесс ассимиляции заимствований посредством СМИ и связи с интенсификацией контактов с зарубежными странами [3, с. 102].

Интенсивная активизация процесса заимствования на рубеже XX–XXI вв., отмечаемая всеми без исключения исследователями русской лексики, сравнима только с активным пополнением словаря в Петровскую эпоху. Тогда, по мнению В.В. Виноградова, и была заложена мода на иностранные языки [2, с. 43]. Усиленная активность изучаемого процесса заставляет лингвистов поднимать вопрос относительно количества и качества заимствуемых слов, особенностей их освоения, уместности в речи, их взаимоотношений с исконной и ранее заимствованной лексикой и пр.

Нельзя сказать, что иноязычные слова воспринимаются исследователями исключительно отрицательно. Сдержанный и объективный подход к проблеме иноязычных заимствований находим в работах Н. В. Новиковой, Л. А'Беккетт, Г. А. Мартиновича и др. Но ряд лингвистов высказывает точку зрения, что отношение к заимствованиям должно быть подсказано чувством соразмерности и сообразности, а также показателем силы механизма саморегуляции языка (И. С. Улуханов, Э. Ф. Володарская, Л. П. Крысин и др.). Столь стихийный характер заимствованной лексики и её стремительная адаптация в русском языке вызывают негативную оценку у пуристов и ревнителей чистоты русского языка (О. А. Феофанов и др.).

Рассмотренные точки зрения имеют право на существование. Кроме того, между этими противоположностями существует некая взаимообусловленность. Для обоснования этого считаем уместным провести параллель между идеей В. Г. Белинского о противопоставлении гениев и талантов, интерпретируемой Ю. М. Лотманом в антитезе «взрывных» и «постепенных» процессов, и стихийным появлением громадного массива заимствованной лексики, заполняющей тематические пространства, которые отражают изменения в жизни общества. По мнению Ю. М. Лотмана, «чтобы быть освоенным современниками, процесс должен иметь постепенный характер, но одновременно современник тянется к недоступным для него моментам взрыва» [6, с. 21]. Обращаясь к заимствованиям, укажем, что вследствие постоянного взаимодействия разных культур осуществляется процесс взаимопроникновения лексических единиц во взаимосоприкасающиеся языки. Это постоянный и «постепенный» процесс, который характерен для системы любого языка. Однако, реагируя на коренные изменения в обществе, язык, отражая новое языковое сознание социума и обслуживая потребности социума, претерпевает «моменты взрыва». Так русскоязычное население безболезненно осваивает иноязычные лексические единицы, равномерно входящие в систему русского языка и дополняющие выражаемые в нём «вкусовые оттенки» современности, например: *оппозиция*, *тамагочи*, *караоке*, *креветка*, *депозит*, *галушка* и др. Но кардинальные преобразования в обществе в посттоталитарный период вызывают «взрывной» процесс и в языке. Поток заимствованной лексики на данном этапе не всегда воспринимается русскоязычным населением, а иногда кажется даже бесполезным для него, особенно в ситуациях, когда можно обойтись исконно русскими словами и не прибегать к употреблению иноязычных заимствований, например: *менеджер* – управляющий, *латентный* – скрытый, *перманентный* – постоянный, *превалировать* – преобладать, *фешн* – мода, *фьюжн* – смесь и т. п.

Продолжая говорить о соотношении моментов взрыва и постепенного развития как двух попеременно сменяющих друг друга этапах, нужно учитывать также развитие их отношений в синхронном пространстве, когда они существуют в едином, одновременно работающем механизме. Ю. М. Лотман указывает на то, что в синхронно работающей структуре одни из процессов выполняют такую важную функцию как новаторство, другие – преемственность. Однако современниками эти тенденции осмысливаются как враждебные, хотя исследователь замечает, что на самом деле « это две стороны единого, связанного механизма, его синхронной структуры, и агрессивность одной из них не заглушает, а стимулирует развитие противоположной» [6, с. 22].

Несмотря на интенсивный наплыв заимствований в конце XX – начале XXI вв., русскому языку, на наш взгляд, «засорение» не грозит. В этом плане мы разделяем позицию Г. Н. Складневской, что русский язык – это «устойчивая система, которая хорошо адаптирует чуждые элементы, приспособляя их к своим лингвистическим системам и заставляя служить своим целям. ... Процессы, происходящие в русском языке на рубеже веков, только на первый взгляд производят впечатление языковых катаклизмов - в действительности они реализуют гибкость и жизнеспособность современной языковой системы, в них больше закономерного, чем случайного и больше вселяющего надежду, чем катастрофического» [11]. Другими словами, поток заимствований можно объяснить востребованностью общества, но это не мешает русской культуре оставаться живым творческим инструментом развития нации, поскольку собственный вклад русского народа в свою культуру значительно превышает объём заимствований.

Итак, язык является способом сохранения национальной самобытности народа, развития его интеллектуального и духовного потенциала. И даже в употреблении и понимании вещей, переходящих от одного народа к другому, существует большое разнообразие, поскольку здесь можно говорить только о подражании, которое не может быть точным повторением, так как не является тождественным, т.е. не производится в тех же обстоятельствах. Заимствование же лексических единиц, в частности из английского языка, в настоящее время представляется общечеловеческим признаком цивилизации, которая состоит в создании и развитии единого информационного пространства. Поднимая вопрос общечеловеческого в цивилизации, А. А. Потебня указывает на совокупность таких условий культуры, которые должны быть усвоены целым кругом народов. Так, английский язык находится в категории всемирных языков, как латинский и греческий, влияние которых на определённом историческом этапе простиралось далеко за их первоначальные границы. Английский язык является международным языком образованных людей всех наций, зная который, можно объехать весь земной шар. И в данном случае такая сила как цивилизация «не только сама по себе не сглаживает народностей, но содействует их укреплению» [9].

Список литературы

1. Брейтер М.А. «Киллер» или «убийца»? / М. А. Брейтер // Вестник ЦМО МГУ. – М., 1998. – № 1. – С. 73–116.
2. Виноградов В.В. История русского языка / Виктор Виноградов. – М., 1978.
3. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э.Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
4. Гусева Е.И. Иноязычный потоп, или каждой твари по паре / Е.И. Гусева // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2006. – № 3. – С. 51–55.

5. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв [Электронный ресурс]. – М., 1992. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---001ucheb--00-0-0-0prompt-10---4---0-0l--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&cl=CL1&d=HASH01798becbee3046b5648ebdc.2&x=1>
7. Народонаселение стран мира. – М., 1984.
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика [1880] / А. А. Потебня. – М., 1976.
9. Потебня А.А. Язык и народность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml
10. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): монография / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005.
11. Склярская Г. Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] / Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 177–202. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm>
12. Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И.А. Стернин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Серия: Язык и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – Вып. 2. – С. 4–16.

Клипатская, Ю.А. Влияние иноязычных заимствований на коммуникативное ядро русского лексикона [Текст] / Ю.А. Клипатская // Мова, історія, культура у лінгвокомунікативному просторі : збірник наукових праць / Ред.кол.: Л.В. Біденко, О.М. Волкова, С.І. Дегтярьов; Упоряд. Л.Д. Біденко. - Суми : СумДУ, 2015. - Вип.2. - С. 93-103.